

Раиса Орлова- Копелева

23. 7. 1918 – 31. 5. 1989

1981

1985

Рая написала это обращение к родным и друзьям в день своего пятидесятилетия 23 июля 1968 года:

Древние мудрецы говорили, что человек первую половину жизни получает, а вторую – отдает.

Я много получила в дорогу, боги были необыкновенно щедры ко мне.

Мне посчастливилось с родителями, – да будет папе земля пухом, а у мамы, я – и поседевшая, – ~~я~~ до сих пор учусь, как жить.

Мне посчастливилось с дочерьми, родными и неродными, хоть я и сержусь на них временами, но они мне по милу хороши; я и у них учусь.

Мне выпало великое и редкое счастье любви, – я нашла свою половинку.

Мне посчастливилось с друзьями, – они мое несметное богатство, я – богаче всех миллионеров.

Мне посчастливилось с Россией, – родину не выбирают, но я и не хочу иной, здесь я родилась, здесь я умру.

Я избрала себе дело по сердцу, я люблю свою работу, – она мне – радость.

Для человека нашей страны, нашего времени, моего поколения на мою долю выпало немного страданий: я оплакала мужа, погибшего на фронте, но сама почти не испытала смертельных опасностей; у меня всегда был кров, я в общем не голодала, я не сидела в тюрьме и даже не носила передач.

Долго я считала все это само собой разумеющимся.

Пушкин говорил: блажен, кто «в пятьдесят освободился от частных и иных долгов». А мой долг все тяжелее и тяжелее. Долг перед теми родными и близкими, кого я сейчас назвала, и долг перед теми незнакомыми, кого мне неловко назвать высоким словом – народ.

Давно пришла вторая половина жизни, давно пришла пора расплачиваться.

Стук молоточка, который напоминает каждому счастливому человеку, что есть несчастные, я услышала поздно. Но теперь он звучит набатным колоколом. Я молю Бога, чтобы мне даны были силы, мужество, время для расплаты.

Mit Verleger Albrecht Knaus, 1985

Mit Anatolij Pristawkin, 1988

В четверг 8 июня 1989 года в кельнском крематории проходило последнее прощание с Раей. Собрались близкие и друзья из Кёльна, Москвы, Гамбурга, Мюнхена, Парижа, Лондона, Берлина, Бремена, Франкфурта, Тюбингена и других городов.

У гроба говорили Карола Штерн, Клаус Беднарц и Кронид Любарский. Вольф Бирман спел две песни, которые Рая любила: «Я навсегда останусь той, что с Востока» и «Когда мы доплыли до берега», которая заканчивается словами:

Что будет с нашими друзьями?
И что еще будет с тобой и со мной?
Всего больше хочу я быть подальше отсюда.
Всего больше хочу оставаться здесь.

Карола Штерн

(публицистка, заместитель председателя Пен-клуба, одна из основательниц «Международной амнистии»):

Дорогой Лев, дорогие дочери, дорогие друзья! Прощаясь с Раисой, мы ощущаем, что мы были беднее до того, как мы ее встретили. Она обогатила нас так, что это сохранится еще и после ее кончины. Вот я, например, не знала никогда сестринской любви, пока это нежное чувство не выросло во мне как выражение избирательного родства с Раисой. Я уважала ее немного робко и любила ее как старшую сестру. И ведь мы все испытали ее волшебство, когда самые резкие противоречия сочетаются в гармоническое единство. В Раисе сочетались разум и острый ум со страстностью и фантазией. Ее доброта нередко выражалась в лихой иронии, наша подруга была гневлива и в то же время нежна, трезва до педантичности и в то же время сердечна и всегда готова помочь. Она могла быть очень пристрастной и все же была терпима, она страдала от незаживающих ран и все же сохраняла любопытство к жизни

и небесную голубизну оптики. Значительность ее личности выросла из образования, знаний и опыта. Ее достоинство – из способности страдать и скорбеть. Своей повадкой, взглядом, выражением она умела выразить отстраненность, дистанцию и в то же время была так способна дружить, так зависима от дружбы, как мало кто из нас.

В начале, когда мы только познакомились, я испытала двойное чувство солидарности с ней. Она была женой Льва, вместе с ним постарела, вместе с ним была изгнана, отрезана от семьи, от друзей, от дома. Но в отличие от него, она оказалась в стране, языка и порядков которой не знала, «была беспомощной, глухой и немой». В то же время я испытывала чувство солидарности с коллегой того же поколения, того же международного цеха, с пишущей эмансипированной женщиной того особого типа, к которому мы обе принадлежим. Это старомодные прилежные женщины, требовательные к себе и к другим, одержимые чувством долга, интеллигентные и рассудительные.

Раиса Орлова-Копелева – русская американистка, писательница, редактор, живет в наших воспоминаниях за письменным столом и пишущей машинкой, отбирая, взвешивая слова, выстраивая предложения, странствуя по московским и кёльнским, нью-йоркским и парижским редакциям, сдавая рукописи, редактируя и правя, выступая на писательских собраниях, читая из своих книг, испытывая счастливую радость открытий.

В начале было так: есть Лев – новый человек, которому есть, что сказать. Он еще мало известен, он оклеветан, его нужно спасти от забвения, но что еще сделать для нее, единственной в своем роде, о которой здесь мало читали? На меня Раиса-коллега произвела необычайно сильное впечатление своей поистине невообразимой начитанностью, остротой эмоционального восприятия и силой суждений. Она умела рассматривать предметы с различных точек зрения, с различных сторон, она взвешивала их, она возбуждала интерес к ним, но всего счастливее она была, когда ей удавалось передать другим людям свое восхищение полюбившимся ей писателем. Дорогой Лев, я боюсь разбередить твою глубокую боль, но хочу сказать только одно: нам, вашим друзьям, тоже доста-

лась частица твоего счастья, которое дала тебе Раиса, и которое дал ей ты. Мы, окруженные столькими людьми, знакомыми, соседями, которые сходятся, расходятся, разводятся, ссорятся, видя ваш брак, называем его вечным молодоженством, и мы хотели бы подражать вам, вашей взаимной заботе, нежности и любви. Нас трогало, как это важно было для Раисы, – быть именно хорошей женой. Нас трогала твоя благодарность ей. Мы поражались тому, как вы связываете самостоятельность мысли, суждений со способностью неизменно жить друг для друга. Лишь редко можно встретить таких независимых и таких зависящих друг от друга людей, как вы. Любовь Раисы и Льва колеблет мои сомнения в Боге. Может быть, Он действительно существует, этот любящий добрый Бог, Который их сочетал и сделал такими счастливыми? Чем иначе это можно объяснить?

Хотя Раиса была старше, чем многие из ее друзей, она почти всех нас превосходила своей страстностью и юношеской одержимостью, порывистостью. В прошлом году мы с ней ездили на чтения в Саарбрюкен. И хотя мои патриотические чувства по сравнению с ее чувствами весьма жалки, когда мы поехали по берегу Мозеля, и во мне зашевелилась известная гордость, частичка любви к Родине. И как всегда при виде этой реки я начала восхищенно: «Погляди, Раиса, ведь прекрасно, не правда ли?» А Раиса подняла голову, быстро взглянула, сказала «Гм», и продолжала изучать газету «Известия». Правда, в тот день была низкая облачность, и виноградники были еще обнаженные, но ведь я знаю столько рассказов о Мозеле, знаю, как по Мозелю ездили в любовной печали. Но только я собралась об этом рассказывать, как моя старшая сестра внезапно подняла голову и спросила звенящим голосом: «Карола, а ты слышала, что в Москве издают уже новые переводы Кафки? Ты слышала, что советские рабочие решили изучать работы Бухарина? И вот еще что я хотела тебя спросить, как все-таки относился Брандт к Брежневу?...» Когда мы уже сидели в такси по дороге к церкви святого Людовика, Раиса рассказывала мне о грузинской кинорежиссерше, о киргизской переводчице Брехта. Интенсивностью своих чувств, страстностью, одержимостью, с которой она принимала участие в ком-нибудь или в чем-нибудь, Раиса действовала на меня как двад-

цатилетняя. Ее сердце было подтверждением тех строк Бориса Пастернака, которые она избрала эпиграфом для одной из своих книг:

Не потрясения и перевороты
Для новой жизни очищают путь,
А откровенья, бури и щедроты
Души воспламененной чьей-нибудь.

Таким был патриотизм Раисы. Он был свободен от затхлости, провинциализма, от той ненависти к чужеземцам, которую она здесь наблюдала в начале восьмидесятых годов. В ее первой опубликованной здесь книге она сдержанно высказывает удивление тем, как безмолвно воспринимается проявление ненависти к иностранцам, приезжим, искателям убежища. Патриотизм Раисы – та любовь, которая и в 70 лет была почти детской любовью, – к родному городу, к улице, и дому, в котором она выросла, к семье и старым друзьям. Он стал политическим, вероятно, уже в зрелые годы ее жизни, и на какое-то время он был связан с мечтой о том, что в стране, где победила Октябрьская революция, может после всех заблуждений, отклонений и преступлений все же в конечном счете возникнуть настоящее социалистическое государство.

К тому, что составляло смысл и содержание ее жизни, принадлежит и солидарность с преследуемыми, с правозащитниками в Советском Союзе и Восточной Европе, с неграми Южной Африки, с теми, кого пытаются в Иране, кто пропал без вести в Латинской Америке. На всю свою жизнь сохранила она веру в интернационализм, в общность всех людей. В московской интеллигентке Раисе Орловой-Копелевой жила мечта о едином человечестве, мечта рабочего движения XIX века.

Три года тому назад она написала последние строки своих «Писем из Кёльна о книгах из Москвы». Тогда она писала в палате кёльнской больницы: «Испытываю боль, окружена болью... Читаю и перечитываю любимые строки Анны Ахматовой:

Ржавеет золото и истлевает сталь,
Крошится мрамор. К смерти все готово.
Всего прочнее на земле – печаль
И долговечней – царственное слово».

Клаус Беднарц

*(журналист, редактор телевидения
автор книг о Польше и Советском Союзе):*

Дорогой Лев, дорогая Света, дорогая Маша, дорогая Марина, дорогие друзья. «Все хорошо, мне хорошо», – это были последние слова Раи.

Нет, Рая, жаловаться ты не умела. Не умела даже в свой последний тяжкий час и все другие тяжелые часы, дни и годы, годы личных бед, преследований и несвободы, изгнаний.

Главным понятием твоей жизни была забота, забота о твоей семье, о твоём муже, о твоих дочерях, и прежде всего забота о тех, кто еще более беспомощен, кто еще больше нуждается в помощи, чем вы сами.

В рассказе Чехова, твоего любимого писателя, говорится: «Надо, чтобы за дверью каждого довольного, счастливого человека стоял кто-нибудь с молоточком и постоянно напоминал бы стуком, что есть несчастные, что как бы он ни был счастлив, жизнь рано или поздно покажет ему свои когти, стрясется беда – болезнь, бедность, потери, и его никто не увидит и не услышит, как теперь он не видит и не слышит других».

В день твоего пятидесятилетия, обращаясь к родным, друзьям, ты вспомнила эти слова А. Чехова и они стали твоими собственными: «Стук молоточка, который напоминает каждому счастливому человеку, что есть несчастные, я услышала поздно. Но теперь он звучит набатным колоколом. Я молю Бога, чтобы мне даны были силы, мужество, время для расплаты».

Тебе оставалось жить еще двадцать лет.

Когда-нибудь напишут историю свободного русского слова, историю литературы и духа той другой России, которая в 60-е и 70-е годы нашего века сопротивлялась системе, подавляющей и презирающей человека. И в этой истории твоя кухня на Красноармейской улице займет особое место. Она была одним из перекрестков духовной жизни Москвы.

Здесь встречались друзья, родственники, писатели, журналисты, художники, артисты, гости из всех частей СССР и из-за

рубежа, «свои люди» – как говорят в России. Там эти слова понятны всем. На твоей кухне сочинялись воззвания и обращения, размножались запрещенные тексты, читались запрещенные стихи и пелись запрещенные песни. Прозаики и публицисты читали отрывки из своих произведений, многие из которых опубликованы в Москве только теперь. На плите постоянно шумел чайник, на маленьком столе стояли сыр и сухарики... Однако эта кухня имела не только литературное значение. Она была подобно квартире Андрея Сахарова, тем местом, куда приходили искавшие убежища, неприспособившиеся, несдающиеся, неподкупные. Приходили те, чьи родственники сидели в лагерях и тюрьмах, и только что освобожденные из лагерей и тюрем. Короче говоря, это было место, открытое для всех, кто по словам Льва, не мог «мирно сосуществовать с ложью и несправедливостью».

Но при этом от тебя всегда исходило спокойствие, всеохватывающая потребность в гармонии, ты была неспособна ненавидеть, даже политических противников ты не могла ненавидеть. Твои слова бывали остры, как стрелы, и метко, с поразительной точностью попадали в цель. Однако они никогда не были отравленными стрелами. Ты не бывала мятежницей, не стояла на баррикадах, но непосредственно позади баррикад, ты подносила бойцам патроны и ухаживала за ранеными.

Убежденная в том, что образы врага возникают из незнания, ты настойчиво полагалась на просвещающую силу слова. В пору самых ожесточенных противоречий между сверхдержавами, ты не уставала пропагандировать литературу классового врага, снова и снова называя имена тогда еще едва известных в России американских писателей, таких как Эрнст Хемингуэй, Лилиан Хэлман, Артур Миллер, Уильям Фолкнер и многие другие, добивалась перевода их произведений, описывала их жизнь.

Страна, в которой ты прожила последние годы, не была страной твоей мечты. Ты последовала за своим мужем подобно тем великим женщинам русской истории, которые некогда следовали за своими мужьями в сибирскую ссылку. Я помню последний разговор с тобой перед вашим отъездом из Москвы, ты знала, что это прощание надолго, быть может,

навсегда, прощание с Родиной, с семьей, с ежедневной погруженностью в родной язык. Необходимость этого ты объяснила просто: «Лев больше не может здесь жить».

Однажды ты сказала, что изгнание – это всегда несчастье, но при этом вспомнила русскую пословицу «нет худа без добра». Так и ты в своем несчастье восприняла изгнание как обязательство, как возможность и здесь разрушать образы врага, строить мосты, рассказывать о своей Родине, искать двери, через которые могут соединиться разделенные миры русских и немцев.

Так же, как некогда в Москве, твоя кёльнская кухня стала литературным салоном, стала тем местом, куда приходили ищущие помощи, и откуда помощь исходила... Мост, который ты со Львом начала строить в Москве, ты продолжала строить с другой стороны. «Кому нужно помочь?» – по-прежнему был ваш первый вопрос. И так же, как в Москве, здесь составлялись посылки с лекарствами для заключенных и сосланных, писались обращения и протесты против политических преследований на вашей Родине и в других странах, назывались имена преследуемых и заключенных. И так же увлеченно и деятельно, как вы в Москве рассказывали о незнакомых писателях Запада, боретесь вы здесь против нашего незнания писателей России и людей России.

В письме к Генриху Бёллю, которое ты писала из Москвы десять лет назад, говорится: «Позор, что я, Левина жена, так и не выучила немецкий. А как хотела читать Бёлля в подлиннике. Теперь и это поздно. Горький привкус „поздно“ неизбежно сопровождает мысли, порывы. А вот любить – никогда не поздно».

Нет, Рая, тогда еще не было поздно. Ты выучила наш язык, и не раз ты высказывалась на нем более метко, чем мы бы могли. Нет, Рая, твоя эмигрантская судьба была иной, чем у многих товарищей по несчастью. Колокол Александра Герцена должен был замолкнуть, твой колокол не умолкал. Он звенел все громче, и его слышали много больше людей, чем раньше. Нет худа без добра.

Часто я спрашивал себя, откуда ты, Рая, берешь эту силу здесь, отрезанная от Родины, от детей и внуков, окруженная,

во всяком случае в первые дни, чужим языком. Мне кажется, было два источника этих сил. Прежде всего твоя любовь ко Льву. В свой пятидесятый день рождения ты написала: «Мне выпало великое и редкое счастье любви, – я нашла свою половинку». Чем старше вы становились, тем больше вы походили на Филимона и Бавкиду, на тех легендарных супругов античности, ставших символом счастливого старения вдвоем. Каждый сам по себе и, в то же время, половина другого. Вторым источником твоей силы была литература. Пожалуй, ни один другой народ не любит своих поэтов так, как русский народ. Значение писателей в России выходит далеко за пределы литературы. И в прошлом и в современности они выполняли и выполняют назначение проповедников, судей, философов, историков. Их считают, не боясь высокого слова, совестью нации. В эпохи подавления и преследований стихи в России становились своего рода тайным языком. Несколько строк любимого автора позволяли единомышленникам узнавать друг друга.

Ты, Рая, помнила бесконечно много стихов и знала почти всех ныне живущих поэтов твоей страны. Но ты любила литературу не только своей страны, но и других народов. Ты была русской патриоткой и гражданкой мира. Когда тебя лишили права жить на Родине, ты унесла с собой свою Россию и знакомила нас с нею.

Трагедия последних лет твоей жизни в том, что лишь один раз ты смогла наблюдать как все, о чем когда-то на московской кухне вы только шепотом говорили, теперь во весь голос говорят, даже выкрикивают на улицах.

Ты много ездила по миру, видела много разных стран. После всех странствий ты писала: «А для меня Россия лучше всех». В твои последние дни и часы, как ты хотела, Лев и дочери читали тебе из книг великого русского писателя Тургенева. И у твоей постели лежал томик стихов Ахматовой. Одно из самых любимых твоих стихотворений «Родная земля»:

В заветных ладанках не носим на груди,
О ней стихи навзрыд не сочиняем,
Нам горький сон она не берedit,
Не кажется обетованным раем.

Не делаем ее в душе своей
Предметом купли и продажи,
Хворая, бедствуя, немотствуя на ней,
О ней не вспоминаем даже.
 Да, для нас это грязь на калошах,
 Да, для нас это хруст на зубах.
 И мы мелем, и месим, и крошим
 Тот, ни в чем не замешанный прах.
Но ложимся в нее и становимся ее,
Оттого и зовем так свободно – своею.

Ты будешь покоиться в русской земле. До свидания, Рая.

Кронид Любарский

(Мюнхен):

Я хочу говорить по-русски, чтобы Раиса Орлова услышала язык той страны, где она родилась и ради которой жила.

Спасибо нашим немецким друзьям, которые сказали о ней столько прекрасных и теплых слов. Сейчас, глядя на этот зал, видно, сколько у Раисы Орловой было друзей. Это и неудивительно: ее сердце всегда было открыто всем людям, всем народам, она сама любила многих и поэтому люди любили ее.

Но если бы эта скорбная церемония происходила не в Кёльне, а в Москве, то пришедших проститься с Раисой Орловой было бы гораздо больше, и этот зал их бы не вместил. Ибо все же, во всех обстоятельствах, именно России было отдано ее сердце, там осталась большая часть ее души, ради России она жила и работала. Любить и понимать другие народы можно только, если любишь и понимаешь свой народ.

Но этой последней радости – видеть рядом с собой старых и верных друзей, с которыми прожил большую часть жизни, Раису Орлову лишили. Что это значит – в Германии легче понять, чем в какой-либо другой стране. Ибо немцам тоже

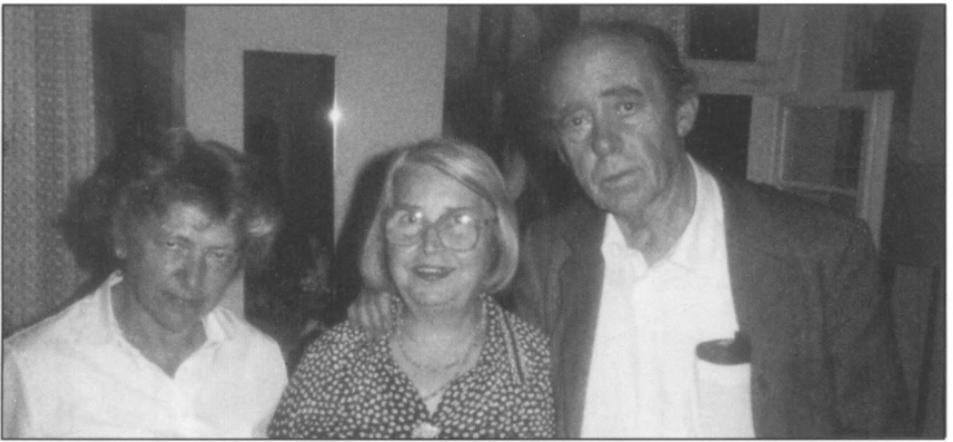
выпало на долю пройти через это – сколько ее выдающихся детей были изгнаны с Родины, которую они покидали физически, оставляя позади душу.

В Германии это было. У нас, к сожалению, есть и сегодня. Будем надеяться, что этого не будет завтра. Власть, изгнавшая Раису Орлову из своей страны, хотела ее этим наказать – за свободомыслие, за непокорность. Но наказала она лишь страну, лишив ее книг Раисы Орловой, ее вдохновенного труда, ее душевного тепла, которое она вносила во все, за что принималась.

А впрочем, если подумать, то даже этого сделать не удалось. Ибо Раиса Орлова, в сущности, никогда не покидала Россию. Ее книги и статьи читались, живая связь со страной, сотрудничество и дружеские связи не прерывались никогда.

Раиса Орлова оставалась всегда гражданином своей страны, больше, чем те, которые ее изгоняли. Человека нельзя изгнать. Человек не может и умереть, пока живо то, ради чего он жил и работал.

Поэтому мне не хочется, чтобы эти последние слова были словами прощания. Пусть это будут слова памяти.

Mit Annemarie und Heinrich Böll, 1984

Mit Tochter Mascha und Wolf Biermann, 1988

Mit Viktor Nekrassow, 1987

Раиса Орлова-Копелева

родилась 23 июля 1918 года в Москве. Отец – работник издательства, мать – зубной врач.

1935–1940 – студентка литературного факультета Института философии, литературы, истории им. Чернышевского в г. Москве.

1940–1947 – референт, потом зав. американским отделом во Всесоюзном обществе культурных связей с заграницей (ВОКС).

1947–1951 – аспирантка Института Мировой литературы им. Горького.

1951–1953 – преподаватель литературы и зав. кафедрой в Педагогическом институте г. Таллина.

1953–1955 – преподаватель Московского областного педагогического института им. Крупской.

1955–1961 – зав. отделом критики, потом отделом информации редакции журнала «Иностранная литература».

С 1961 г. – литературная работа, публикации в журналах «Иностранная литература», «Новый мир», «Вопросы литературы» и других; книжные издания, лекции от общества «Знание» и Союза писателей в университетах и библиотеках в Саратове, Тбилиси, Новосибирске, Ереване, Баку, Ташкенте, Владивостоке, Кишиневе, Одессе, Харькове, Самарканде, Черновцах и других городах.

С середины 70-х годов прекратилась лекционная работа и публикации.

Член КПСС с 1942 по 1980 год. Член ССП с 1959 по 1980 год.

В ноябре 1980 г. выехала по приглашению Г. Бёлля на один год в ФРГ вместе с мужем Л. Копелевым. В январе 1981 г. указом Президиума Верховного Совета за подписью Брежнева оба лишены гражданства СССР. С мая 1981 г. гражданка ФРГ.

Член международного Пен-клуба, Пен-клуба и Союза писателей ФРГ. С 1981 до февраля 1989 г. читала лекции на английском и немецком языках в университетах Германии, США, Швейцарии, Австрии.

Важнейшие публикации (книги):

«Внуки дяди Тома борются», М., 1962.

«Потомки Гекльберри Финна». Очерки современной американской литературы, М., 1962.

«Мартин Иден» Джека Лондона. Очерк, М., 1967.

«Гарриет Бичер-Стоу», очерк жизни и творчества, М., 1971.

«Хижина, устоявшая столетие», М., 1975.

«Поднявший меч», повесть о Джоне Брауне, М., 1975.

«Последний год жизни Герцена», русск., 1982, немецк., 1988.

«Воспоминания о непрошедшем времени», 1983, русск., англ. (США), немецк.

«Двери открываются медленно», 1984, русск. (США), немецк.

«Хемингуэй в России», 1985, русск. (США).

«Мы жили в Москве», русск. 1987, немецк. 1-я ч. 1987, 2-я ч. 1989.

«Письма из Кёльна о книгах из Москвы», 1987, немецк.

Многочисленные предисловия и послесловия к немецким изданиям русских авторов; статьи, очерки, эссе, интервью в газетах, журналах, по радио и ТВ в ФРГ, Австрии, Швейцарии, Франции, США.

1985

1983

